УДК 130.2

Ритуал в пост-традиции: на примере советской концепции обрядности

Лисина Елена Александровна

Кандидат философских наук,
генеральный директор издательского дома «Аналитика Родис»,
142400, Российская Федерация, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7;
e-mail: lisina.elena.81@gmail.com

Аннотация

Цель. Цель статьи – попытка описать общую схему генезиса ритуальности в пост-традиции на примере советской социальной реальности. **Методология.** В работе использован метод социального анализа ритуала, метод исторических параллелей, метод сравнительного анализа социальных явлений, а также общенаучные методы анализа и синтеза. **Результаты.** Обращение к ритуальной стороне нынешней общественной жизни позволяет подтвердить ее немаловажную роль в экологии человека современности. Происхождение ритуалов сегодняшнего дня в России тесно связано с концепцией обрядности советского периода. Обряды и праздники в СССР являются примером переоценки и преобразования тех же исходных структур, которые структурируют ритуальность в традиционном обществе, но с иным аксиологическим наполнением. **Выводы.** Ритуальная сторона жизни современного россиянина структурируется массой разнонаправленных векторов традиций, важнейшие среди которых – советская и масс-культурная (распространяемая через масс-медиа). Особенности советской ритуальности, во многом унаследованной современным обществом, связаны с переосмыслением «сакрального» (нуминозного) ядра ритуала, причем структура ритуала сохраняется. Однако подмена содержания ритуала влечет за собой нелегитимность получаемого в ритуале социального и индивидуального опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Лисина Е.А. Ритуал в пост-традиции: на примере советской концепции обрядности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 1А. С. 215-220.

Ключевые слова

Ритуал, традиционный ритуал, советский ритуал, советская обрядность, ритуальные услуги, ритуальность, сакральное, квазиритуал.

Введение

Вопрос о роли ритуальности в современном обществе является одним из весьма актуальных; он тесно взаимосвязан с актуальнейшим вопросом об идеологической основе существования общества и о важности традиционного начала (действующего как фактор исторической памяти) для обоснования прочной и состоятельной групповой идентичности. Во все времена власти осознавали необходимость мощного психотерапевтического эффекта ритуала в целях социальной стабилизации и гармонизации, особенно во времена перемен. Это свойство ритуала подтверждает его экзистенциальную важность в посттрадиционном обществе и культуре: если для традиционной культуры ритуал является естественной основой социальной жизни, то современный мир вынужден вновь и вновь обращаться к ритуалу, вопреки постулируемому атеистическому минимализму духовной жизни.

Современный мир ритуальности в России сложен из самых различных начал, однако лидирующим (по законам исторической памяти) является советский культурно-бытовой слой. Даже календарь праздников современной России показывает ее преемственность с советским периодом: выходные – Новый год, Рождество, 23 февраля, 8 марта, 1 и 9 мая, 12 июня, 4 ноября. Несмотря на переосмысление ряда праздников (4 ноября «вместо» 7 ноября), добавление Рождества и 12 июня, основной костяк праздничных дат и приуроченных ритуалов остается советским. Таким образом, советские формы и смыслы являются определяющими в государственной политике обрядности современности и заслуживают глубокого теоретико-исторического осмысления.

Советская ритуальность в череде эпох: от традиции к посттрадиции

Переход страны в советскую формацию как в политике, так и в социальной сфере, происходил не быстро и не просто. В начале советского периода, движимые духом обновления, теоретики нового образа жизни предлагали вообще элиминировать обряды из советского быта, и споры о пользе и вреде ритуалов длились на протяжении десятилетий.

Однако уже в самом начале революционного периода, в 1918 году, Совнаркомом были приняты «Правила СНК о еженедельном отдыхе и праздничных днях», где утвердились новые красные праздники: Новый год, 22 января (революция 1905 года), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (день Парижской коммуны), 1 мая, 7 ноября. Как отмечает В.В. Глебкин, «Необходимость в создании ... канона <празднования> была связана ... с возникновением нескольких опорных для советской культуры экзистенциалов («советская власть», «советское государство», «мировой пролетариат» и др.), наличие которых порождало потребность в возникновении соответствующих ритуальных «каналов связи» с ними» [Глебкин, 1998, 76]. То есть новые «сакральные» понятия требовали своей легитимизации в ритуале.

Важно отметить, что если в западных странах ритуальная сторона жизни общества на протяжении XX века стала определяться «гражданской религией», то коммунизм имел и отчетливые черты религиозной идеологии: эсхатологическую составляющую (светлое будущее), потребность в «мучениках» и «святых» и, любопытно, – появился аналог инквизиции, который наказывал людей фактически за «греховные помыслы».

Как точно отмечает К.А. Богданов, «Идеологии, о которых можно было бы сказать, что у нее нет «ритуально-мифологической» или «фольклорной» составляющей, по-видимому, не существует» [Богданов, 2009, 26-27]. Однако строители советского общества по большому счету такой необходимости не видели, признавая в обрядах лишь театральную убедительность и воздействие на воображение; эту позицию поддерживал Троцкий, призывая заместить былые обряды новыми: «Теоретические доводы действуют только на ум. А театральная обрядность действует на чувство и на воображение. Влияние ее, следовательно, гораздо шире» [цит. по: Глебкин, 1998, 123].

В конце советского периода уже весьма позитивно осмысливались «новые советские праздники и обряды, воплотившие в себе славные революционные, боевые и трудовые традиции Коммунистической партии и нашего народа, его духовное наследие» [Советские традиции..., 1986, 3]. В этом же издании говорится о «семейно-бытовой» обрядности, о ритуальной службе, а также перечислены требования к празднованию дня Победы, проводов в вооруженные силы СССР, торжественного посвящения в рабочие, хлеборобы, чествования ветерана труда, регистрации брака и рождения. Здесь вполне четко описана социальная детерминация ритуальности Советов: «Общегосударственные, революционные, гражданские, трудовые, семейно-бытовые праздники и обряды освещают величие наших созидательных дел, содействуют упрочению морально-политического единства общества, утверждают советский образ жизни» [там же].

При этом «новая» ритуальность так или иначе наследовала «старой», сохраняла ее «синтаксис», даже если меняла семантику. Как отмечает Е.Г. Борисова, «Ритуал – наследие предыдущего этапа функционирования данного политического сообщества» [Борисова, 2013, 26]. И революционные деятели вполне ясно понимали, что основной функцией новой ритуальности должно стать замещение старой. Как писал Троцкий в 1923 году, «Важно убить религиозные суеверия, связавшиеся со старой обрядностью. Этому в значительной мере должна помочь новая революционная обрядность» [цит. по: Глебкин, 1998, 125].

«Непосредственно после революции произошло изменение функций многих социальных ритуалов» [Кронгауз, 2013, 12], а также отмирание. При этом «отмирание функций далеко не всегда приводило к ликвидации соответствующего института: <...> общество могло сохранять практически лишённые содержания социальные институты и действия $\diamond$ превращая их тем самым в ритуал» [там же]. Так, например, исследователями отмечено структурное подобие крестового хода и митинга [Глебкин, 1998], а мы можем добавить к этой последовательности и недавно возникший массовый ритуал «Бессмертный полк»: массовое шествие с пор-

третами, остановки и митинги, причем это прежде всего шествие единства: «осознание своей принадлежности к некоторой целостности определяет семантику процесса» [там же, 97].

Важно и нужно провести и другие параллели советских ритуалов с досоветскими: культ личности – это квази-культ, основанный на инверсии понятия Божьего избранничества (помазания); «красная» свадьба – перелицованное венчание; Новый год – замена Рождества; посвящение в октябрюта, пионеры, рабочие, хлеборобы, вступление в партию – ступени единой инициации. Как отмечает С.Адоньева, «Каждый советский человек, каковы бы ни были его убеждения, тем не менее был посвящен по меньшей мере в октябренка, а значит – имел опыт изготовления маленьких красных флажков, рисунка на тему «Свобода – равенство – братство» и бумажных цветов к празднику. Иными словами, он имел опыт участия в ритуале. Иначе: принял идеологию в свое собственное тело, был посвящен» [Адоньева, 2009, 268].

При этом интересно заметить, что само понятие «ритуал» за советский период утратило былое актуальное значение и стало в итоге основой для эвфемистического выражения: эвфемизм «ритуальные услуги» (вместо «услуги по совершению похорон») – зафиксирован с последней четверти XX века [Сеничкина, 2008, 376].

Таким образом, советская ритуальность является прямым наследником предшествующих ритуальных комплексов, и она же служит основой для ритуального комплекса современной России. Но, конечно, разнообразие проявлений ритуального в современности далеко не ограничивается влиянием советской, церковной или масс-культурной сферы. Кроме того, в ритуальном комплексе всегда содержится элемент наследственной, семейной архаики, сельского традиционного быта, поскольку «Каждый постсоветский горожанин хотя бы по одной из родовых линий – горожанин в первом, втором или, самое дальнее, третьем поколении» [Адоньева, 2011, 12].

Заключение

Советская ритуальность является примером ритуального комплекса, который позаимствовал от ритуальности предыдущей историко-социальной эпохи формы, радикально переменив содержание. Для создателей ритуального календаря и новой обрядности было очевидно социальное значение ритуала, и необходимость замещения старых форм обрядов новыми была детерминирована и как способ антирелигиозной работы, и как путь к насыщению общества новыми ценностями. Поэтому в советский период произошла фактически перелицовка ритуального комплекса всей страны: Рождество стало Новым годом, венчание – свадьбой, вместо Пасхи стали праздновать 8 марта и Первомай, крестный ход воплотился в демонстрациях, а поклонение святым нашло своего квази-близнеца в культе личности и фигурах новых мучеников. Конечно, ритуальный комплекс советского времени не исчерпывался официальными праздниками; развитие обрядности шло своими сложными путями, включающими наследие сельского населения, остатки религиозного поведения и

различные новые обряды. Исследование особенностей культового континуума советского общества имеет особенную актуальность сегодня, когда ритуально-обрядовый мир россиянина не упорядочен под эгидой одной ясной идеологии, а представляет собой сложный комплекс традиций, важнейшее место среди которых занимает советское культурное наследие.

Библиография

1. Адоньева С. Дух народа и другие духи. СПб.: Амфора, 2009. 287 с.
2. Адоньева С. Символический порядок. СПб., 2011. 167 с.
3. Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
4. Борисова Е.Г. Ритуальные компоненты в политической коммуникации // Федорова Л.Л. (сост.) Ритуал в языке и коммуникации. М., 2013. С. 24-34.
5. Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.
6. Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Федорова Л.Л. (сост.) Ритуал в языке и коммуникации. М., 2013. С. 11-24.
7. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта, Наука, 2008. 464 с.
8. Советские традиции, праздники и обряды. М.: Профиздат, 1986. 293 с.

Ritual in the post-traditional societies: the example of the Soviet concept of rituals

Elena A. Lisina

PhD in Philosophy,
executive general manager of Analitika Rodis Publishing,
142400, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation;
e-mail: lisina.elena.81@gmail.com

Abstract

Objective. The purpose of this article is the attempt to describe the general scheme of the genesis of ritualism in post-traditional societies as exemplified by the Soviet social reality. **Methodology.** The author used the method of social analysis of the religious and philosophical practice, the method of historical parallels, the method of comparative analysis of social phenomena, as well as general scientific methods of analysis and synthesis. **Results.** Appeal to the ritual of the present society allows to confirm its important role in modern human ecology. The origin of today's rituals in Russia is closely linked with the concept of rites of the Soviet period.

Ceremonies and celebrations in the USSR is an example of re-evaluation and transformation of the same input structure, that structured the ritual in a traditional society, but with a different axiological content. **Conclusion.** The ritual side of the life of modern Russians is structured by a lot of divergent vectors of traditions, the most important among them are the Soviet and mass culture (disseminated through the mass media). Features of the Soviet ritualism, largely inherited by modern society, are related to the re-interpretation of "the sacred" (numinous) ritual nucleus, and the ritual structure is preserved. However, the substitution of the content of the ritual entails the illegality of the social and individual experience taken in a ritual.

For citation

Lisina E.A. (2017) Ritual v post-traditsii: na primere sovetskoi kontseptsii obryadnosti [Ritual in the post-traditional societies: the example of the Soviet concept of rituals]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 215-220.

Keywords

The ritual, traditional ritual, the ritual of the USSR, Soviet festivals, funeral services, ritual, sacred, quasi ritual.

References

1. Adon'eva S. (2009) *Dukh naroda i drugie dukhi* [Spirit of the people and other spirits]. Saint Petersburg: Amfora Publ.
2. Adon'eva S. (2011) *Simvolicheskii poryadok* [Symbolic order]. Saint Petersburg.
3. Bogdanov K.A. (2009) *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoi kul'tury* [Folklore genres of Soviet culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
4. Borisova E.G. (2013) Ritual'nye komponenty v politicheskoi kommunikatsii [Ritual components in political communication]. In: Fedorova L.L. (comp.) *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [The ritual in language and communication]. Moscow, pp. 24-34.
5. Glebkin V.V. (1998) *Ritual v sovetskoi kul'ture* [The ritual in Soviet culture]. Moscow: Yanus-K Publ.
6. Krongauz M.A. (2013) Bessilie yazyka v epokhu zrelogo sotsializma [The impotence of language in the era of mature socialism]. In: Fedorova L.L. (comp.) *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [The ritual in language and communication]. Moscow, pp. 11-24.
7. Senichkina E.P. (2008) *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian euphemisms]. Moscow: Flinta, Nauka Publ.
8. *Sovetskie traditsii, prazdniki i obryady* [The Soviet traditions, celebrations and ceremonies] (1986). Moscow: Profizdat Publ.